УДК-340

DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-25-37

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ФОКУСЕ УГРОЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «ЦИФРОВОМ ТОТАЛИТАРИЗМЕ»: ДИСКУРС-АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Попова Н. Н.

*Дипломатическая академия Министерства иностранных дел РФ
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ мировых общественных представлений об угрозах цифрового развития в отношении соблюдения прав человека.

Процедура и методы. Ключевым методом исследования являлся дискурс-анализ, применяемый для реконструкции правосознания консервативной части общественного спектра.

Результаты. Было диагностировано наличие широкого дискурсивного круга негативной реакции на цифровые нововведения как угрозу реализации прав человека. Выявлены основные проблемные позиции в пакете прав человека, с которыми связываются угрозы нарушений. Показаны различия реакций на цифровые нововведения в соотнесении с идеологическими установками правосознания групп граждан.

Теоретическая и/или практическая значимость. Очерчено проблемное поле, связанное с цифровыми трансформациями, в сфере права. Выявлены ниши, предполагающие принятие дополнительных защитных мер в отношении прав человека в условиях цифрового перехода, и проблемные области правосознания граждан, что определяет соответствующую повестку государственной просветительской деятельности в сфере права.

Ключевые слова: цифровизация, правосознание, права человека, дискурс, тоталитаризм, цифровые технологии, идеология

REALIZATION OF HUMAN RIGHTS IN THE FOCUS OF THREATS OF PERCEPTIONS OF “DIGITAL TOTALITARIANISM”: DISCOURSE ANALYSIS IN THE CONTEXT OF LEGAL CONSCIOUSNESS TRANSFORMATION

N. Popova

*Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
53/2-1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russian Federation*

Abstract

Aim. To examine social perceptions in the world about the threats from digital development to the observance of human rights.

Methodology. The key research method was discourse analysis, used for reconstruction of the legal consciousness of the conservative part of the public spectrum.

Results. The presence of a wide discourse circle of negative reactions to digital innovations as a threat to the realization of human rights was diagnosed. The main problematic positions in the package of human rights are identified, which are associated with threats of violations. The differences in reactions to digital innovations are shown in relation to the ideological attitudes of the legal consciousness of groups of citizens.

Research implications. The problem field associated with digital transformations in the field of law is outlined. Niches have been identified that involve the adoption of additional protective measures regarding human rights in the context of digital transition, and problematic areas of legal awareness of citizens, which determines the corresponding agenda of state educational activities in the field of law.

Keywords: digitalization, legal consciousness, human rights, discourse, totalitarianism, digital technologies, ideology

Введение

До недавнего времени в академической науке в отношении поднимаемой в данном анализе темы существовало негласное табу. Рассуждения о возможности взятия человека под полный или значительный контроль с помощью современных технологий вызывало коннотации с конспирологическим направлением общественной мысли. И действительно, изобличение неких сил в их устремлении взять под контроль человечество с помощью цифровых технологий заняло широкую нишу в современной конспирологии. Ксенофобия как социально-политическое последствие конспирологии не только сделала «теорию заговора» неуместной для научного дискурса, но и поставила вне права, имея ввиду нарушение запретительных норм в отношении разжигания различных форм розни [13]. О связи конспирологии с ксенофобией заявлял, находясь в статусе президента, Франсуа Олланд, призывавший взять под контроль конспирологический дискурс в интернете.

Однако в контексте стремительного развития цифровых технологий в мире тема контроля за человеком вышла за рамки маргинальных ниш. Связь темы цифрового контроля над человеком с «теорией заговора», безусловно, возможна, но далеко ею не исчерпывается. Игнорирование вопроса о такого рода рисках в развитии цифровых технологий на уровне экспертного сообщества, а соответственно, и законодательства привело к реальной эскалации соответствующих угроз. И речь не идёт о «заговоре» какой-либо тайной группировки, а о практической возможности для властных органов контролировать человека и реальности расширения ниш контроля. Технологии вышли на тот уровень, когда правовая традиция автономности личности может быть

системно нарушена, а по многим оценкам уже де-факто нарушается. Возникла озабоченность широких групп населения разных стран нарушением их прав через внедрение в общественную жизнь цифровых технологий.

Возникновение соответствующего дискурса вокруг темы цифрового тоталитаризма определяет постановку задачи анализа с позиций диагностирования состояния правосознания общественности России и ряда стран мира. Важно выявить те нововведения или тенденции, которые воспринимаются как проявляемые или потенциальные угрозы в отношении соблюдения прав человека. Эти угрозы могут реально отсутствовать или быть преувеличенными, но сама их фиксация может указывать на кризис правосознания. В том случае, когда угрозы оказываются вымышленными, реакция государства и гражданского общества должна проявляться в активизации соответствующей разъяснительной работы, в правовом просвещении. Если же диагностируемые в рамках правосознания тревоги граждан получают подтверждение в их обоснованности, то следует ставить вопрос о внесении определённых изменений в законодательство по защите прав человека в условиях цифровых нововведений.

Методика исследования состоит в анализе дискурсивного пространства в фокусе угроз системного нарушения прав человека в связи с развитием и внедрением в общественные отношения цифровых технологий. Дискурсивный анализ предполагает рассмотрение проявляемого в письменных текстах контента угроз развития цифровых технологий применительно к классическому пониманию прав человека и в контексте изменений в социально-культурной семантике в целом [6].

Тема «цифрового тоталитаризма» на уровне интеллектуальных и властных элит

Тема «цифрового тоталитаризма» не может более игнорироваться научным сообществом после того, как она была поднята рядом видных современных мыслителей мирового уровня. К ним, в частности, относится израильский философ и историк Юваль Харари. По его оценке, человечество, приступив к освоению новых цифровых технологий, оказалось перед развилкой. Одна перспектива состоит в расширении за счёт цифровизации прав и свобод граждан, вторая – в установлении с опорой на неё глобального тоталитарного надзора. Технологическая возможность реализации второй перспективы как минимум существует. Харари ссылается на опыт КГБ СССР, который, несмотря на все свои политические возможности, не мог следить за всеми 240 млн советских граждан, равно как и обрабатывать эффективно собранную информацию. Но сегодня возможности тотальной слежки посредством современной техники уже являются реальностью. СССР не мог в полной мере реализовать модель тоталитарного государства технически, и любые попытки такого рода давали сбой (невинные жертвы репрессий – одно из проявлений такого сбоя). Сегодня же тоталитаризм, невозможный прежде, впервые становится гипотетической вероятностью.

Одно из наиболее ярких проявлений новой тоталитарности, по мнению Харари, – сбор биометрических данных. Раньше контроль выражался в получении информации о предпочтениях человека, теперь уже и о состоянии человека, температуре тела, эмоциональных реакциях. Обоснованием таких нововведений может, рассуждает философ, стать, например, борьба с эпидемиями, когда всеобщий контроль за температурой граждан позволит выявлять больных. Но «если корпорации и правительства начнут массово собирать наши биометрические данные, они смогут узнать нас намного лучше, чем мы знаем

самих себя, и тогда они смогут не только предсказывать наши чувства, но и манипулировать нашими чувствами и продавать нам все, что они хотят – будь то продукт или политик... Представьте себе Северную Корею в 2030 г., когда каждый гражданин должен носить биометрический браслет 24 ч в сутки. Если вы слушаете речь Великого Вождя, и браслет улавливает явные признаки гнева, вам конец»¹.

Обращение к теме цифрового тоталитаризма имеет место уже и на уровне властного дискурса государств мира. О том, что цифровизация, при которой человек есть лишь число, ведёт к фашизму, заявил, в частности, Президент Турции Р. Эрдоган. Выступая на международном саммите «Женщины и правосудие», он призвал к совместной борьбе против «цифрового фашизма», подчеркнув при этом, что не против самой цифровизации. Интересно, что самого Эрдогана часто обвиняют сегодня в фашистских тенденциях и нарушении прав человека, и это само по себе указывает на семантическую неоднозначность темы².

Президент России Владимир Путин в 2019 г., рассуждая о перспективах развития искусственного интеллекта, предостерег, что монополизация этой сферы приведёт к установлению власти монополиста над всем миром. Помимо важности быть конкурентоспособным, слова президента указывают также и на те огромные управленческие возможности, которые дают технологии искусственного интеллекта. При бесконтрольности власти эти возможности могут быть потенциально использованы против прав и свобод человека³.

¹ Harari Y. N. The world after coronavirus // Financial Times: [сайт]. URL: <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75> (дата обращения: 01.12.2020).

² We must fight digital fascism: President Erdogan // AA.com.tr. URL: <https://www.aa.com.tr/en/turkey/we-must-fight-digital-fascism-president-erdogan/2056985> (дата обращения: 01.12.2020).

³ Совещание по вопросам развития технологий в области искусственного интеллекта // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60630> (дата обращения: 01.12.2020).

Формирование концепции «цифрового тоталитаризма»

В западной обществоведческой публицистике ожидаемо получил распространение концепт нового тоталитаризма. Понятие «новый тоталитаризм» вошло в оборот ещё в начале 1970-х гг., когда под ним понималась замена прямого принуждения мягким воздействием на сознание и подсознание. Тогда акцент делался на его новизне, отличии от старого тоталитаризма. Современное использование понятия «новый тоталитаризм» переносит акценты на восстанавливаемую тоталитарность, приходящую на смену временному периоду свободы. Идея борьбы с тоталитаризмом как главным врагом свободы прочно вошла в сознание западного человека, и каталитизированная пандемией цифровизация легла на укоренённую матрицу [17].

Общая схема теории тоталитаризма состояла в том, что свободный мир исторически столкнулся с миром несвободы. Несвобода могла воплощаться в двух типах политического режима – автократическом и тоталитарном. Эталонами тоталитарного государства преподносились фашистская Германия и коммунистический СССР [1]. Победы 1945 г. и 1991 г. рассматривались как сокрушение тоталитаризма силами свободы. После этих побед врагами либеральной демократии оставались отдельные авторитарные режимы, которым быть преобразованными в государства тоталитарные уже не представлялось возможным. Полного торжества идеалов свободы ещё не произошло, как об этом возвестил Френсис Фукуяма, но это казалось вопросом неотдалённого времени [11]. Однако новый тоталитаризм приходит оттуда, откуда его никак не ждали, – из технологического прогресса. Цифровизация, соотносимая первоначально с расширением пространства свободы, создала условия для выстраивания системы модернизированного тоталитарного государства.

Согласно рассуждениям профессора Американского института экономических исследований Джеффри А. Такера, тоталитаризм выстраивается всегда на жёстком противопоставлении полюсов ада и

рая. Для коммунистической идеологии ад – это капитализм и господство частной собственности, рай – коммунизм, достигаемый через экспроприацию. Для расизма ад есть расовое смешение, а рай – расовая гомогенность. Применительно к новой модели мироустройства ад видится в свободном распространении патогенов, а рай – общество полного технократического контроля, устанавливаемого для борьбы с патогенами. Основа этой модели – социальная изоляция, компенсируемая виртуальными коммуникациями. Права человека подавляются прежде всего именно в вопросе свободы и естественности для человека социального взаимодействия с другими людьми. Новый тоталитаризм в этом отношении покусается не только на свободу, но и на суть самого человека как социального существа. Другой угрозой является фактическое нарушение принципа равноправия. «Вначале, – описывает Такер происходящее в 2020 г., – большинство людей соглашались, полагая, что это было как-то необходимо и краткосрочно. 2 недели растянулись на 30 дней, которые потом затянулись на 7 месяцев, и теперь нам говорят, что никогда не будет времени, когда мы не будем практиковать эту новую общественно-политическую веру. Это новый тоталитаризм. И при всех таких режимах есть один набор правил для правителей и другой – для управляемых»¹.

Люди, коммуницируя в виртуальном пространстве, переписываясь на различных платформах социальных сетей, выкладывая свои комментарии и размышления, так или иначе оставляют следы в интернете. Ранее для того, чтобы уличить человека, требовалось вскрыть его переписку, что было незаконно. Теперь сбор сведений о воззрениях человека, его предпочтениях и частной жизни становится гораздо более простым и легальным. Человек, с одной

¹ Tucker J. A. Lockdown: The New Totalitarianism // AIER: [сайт]. URL: <https://www.aier.org/article/lockdown-the-new-totalitarianism> (дата обращения: 01.12.2020).

стороны, оказывается сам виноват, необдуманно выкладывая в сеть информацию о себе, раскрывая свои мысли. Но с другой, современная система общественных отношений построена таким образом, что не делать этого невозможно, и человек, выпадающий из сети, превращается в социального аутсайдера.

За что человек может быть дискриминируемым? Значительная часть представителей американского общества полагает, что реальная дискриминация сегодня идёт за приверженность определённым взглядам. Формально человек может быть уволен с работы по некой причине, фактически же – ввиду противоречия его мыслей и ценностей некому стандарту. Представление о такой дискриминации распространено прежде всего в консервативно-христианской части американского общества, что, вероятно, определяет представление, что дискриминируемыми оказываются люди, придерживающиеся традиционных ценностей [14]. Традиционные христиане превращаются в диссидентов нового тоталитарного мира. В соответствии с новым тоталитарным эталоном традиционные ценности конфликтны, а потому придерживающиеся их лица должны быть оттеснены со значимых для общества позиций¹.

Существует ли в реальности такая дискриминация – вопрос для специального социологического исследования по гражданам, лишившимся работы. Но сама постановка проблемы о возможности дискриминации за воззрения – это значимый сигнал, показывающий тревогу граждан о нарушении важнейшего из прав – свободы совести. Если раньше мысли и ценности человека были неизвестны администратору, то теперь они оказываются доступны, и это вызывает озабоченность.

«Арабская весна» 2010–2011 гг. показала возможности использования интернета и социальных сетей в организации антивластных сил. Новые технологии были

восприняты как средство борьбы за политические права, неподконтрольное власти. В действительности эти возможности определялись в значительной мере включённостью в организацию революционных процессов внешних факторов, которые и выступали инициатором создания оппозиционных социальных сетей. Но прошло время, и государства стали использовать цифровые технологии для контроля над потенциальной оппозицией. Кажущееся средство борьбы с системой превращается в средство, используемое системами [2; 7; 10; 16].

Драйверы цифрового тоталитаризма: Запад vs Китай

Расхождение в дискурсе противников цифрового тоталитаризма обнаруживалось в вопросе, кого утвердить на роль нового тоталитарного монстра. Мнения разделились в этом отношении между странами Запада и Китая. Руководитель программы «Современное государство» Валдайского дискуссионного клуба И. Н. Тимофеев рассматривает этот вызов через призму метафоры «сумерки Запада», отмечая факт западной ценностной инверсии в отношении свободы, оказавшейся сопряжённой с лёгшими на соответствующую почву цифровыми новациями. «Судя по всему, – пишет он, – западная рациональность выходит на новый уровень, предполагающий скачок в развитии. Но это также рождает новых монстров. Современные технологии позволяют гораздо глубже проникнуть в психику человека и установить новую идентичность. Экономика дегуманизируется, а эффективность контроля над рабочей силой растёт в геометрической прогрессии. Современные рабочие находятся под пристальным наблюдением, их время измеряется секундами. Также можно отслеживать многие другие параметры – от движений глаз и зрачков до активности мозга. Эта эффективность с удовольствием адаптируется к политике. Современные технологии могут помочь отчуждать людей от их истинной

¹ Gooch N. How to resist the new totalitarianism // Un Herd: [сайт]. URL: <https://unherd.com/2020/11/how-to-resist-the-new-totalitarianism> (дата обращения: 01.12.2020).

природы и идентичности в такой степени, которая никогда не предполагалась Марксом, Фроммом, Адорно, Маркузе и критиками репрессивной рациональности. Если раньше шоу уродов Фуко ограничивалось человеческим телом, то сегодня оно проникает в человеческую психику. Мы стоим на пороге принципиально нового типа отчуждения и принципиально нового тоталитаризма, который наверняка будет скрыт за лозунгами либеральной демократии на Западе и оправдан национализмом или другими идеологиями в других странах. Также будет новый тип войны, потенциально более бесчеловечный и гораздо более эффективный для охвата всех (и не обязательно кинетически)¹.

Цифровой тоталитаризм в англоязычном интернете приобрёл устойчивую коннотацию с современным Китаем. Сообщается, в частности, о реанимации коммунизма через инновационные возможности контроля за гражданами. «Китай наращивает свою способность шпионить за своими почти 1,4 млрд людей до нового и тревожного уровня, давая миру план построения цифрового тоталитарного государства. Китайские власти объединяют старые и современные технологии – сканеры телефонов, камеры с распознаванием лиц, базы данных по лицам и отпечаткам пальцев и др. – в обширные инструменты для авторитарного контроля. После того, как эти инструменты объединены и полностью введены в действие, они могут помочь полиции узнавать личности людей, идущих по улице, выяснять, с кем они встречаются, и определять, кто принадлежит, а кто не принадлежит к Коммунистической партии»².

¹ Timofeev I. «Twilight of the West?» The New Totalitarianism, Reflection and Free Thought // RIAC: [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/interview/twilight-of-the-west-the-new-totalitarianism-reflection-and-free-thought/> (дата обращения: 01.12.2020).

² Mozur P. China moves towards 'digital totalitarian state' as surveillance technology continues to advance // Independent: [сайт]. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/asia/china-technology-surveillance-network-totalitarian-state-spy-a9251971.html> (дата обращения: 01.12.2020).

Китай и США используют, как пишут в американских СМИ, примерно один и тот же арсенал цифрового контроля. Но Америка – для противодействия терроризму и наркоторговле, а Китайская Народная Республика – для тотального контроля за собственным населением. Китай – новая модель полицейского государства. Безусловно, разоблачение китайского тоталитаризма в США имеет политический подтекст американско-китайской современной конкуренции. Но обозначенная тенденция заслуживает внимания.

Цифровой контроль в КНР также преподносится как средство подавления потенциальной оппозиции: будто бы посредством них были выявлены все критики действия властей по противодействию коронавирусной инфекции. Цифровой контроль используется также как средство противодействия уйгурскому сепаратизму³.

На новый цифровой китайский тоталитаризм указывают сегодня многие западные эксперты. Некоторые утверждают, что Китай стал самым ярким примером использования ситуации с пандемией для продвижения в направлении усиления цифрового контроля: «Тщательно отслеживая смартфоны людей, используя сотни миллионов камер распознавания лиц и обязывая людей проверять температуру тела и состояние здоровья и сообщать о них, китайские власти могут не только быстро идентифицировать предполагаемых носителей коронавируса, но также отслеживать их передвижения и идентифицировать всех, с кем они контактировали. Ряд мобильных приложений предупреждает граждан об их близости к инфицированным пациентам»⁴.

³ Nazeer T. Digital Surveillance and 'Technological Totalitarianism' // Byline Times: [сайт]. URL: <https://bylinetimes.com/2020/04/07/the-coronavirus-crisis-digital-surveillance-and-technological-totalitarianism/> (дата обращения: 01.12.2020).

⁴ Harari Y.N. The world after coronavirus // Financial Times: [сайт]. URL: <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75> (дата обращения: 01.12.2020).

Указанная тенденция обнаруживается и в других государствах. В Израиле, например, «чрезвычайным указом» Биньямина Нетаньяху допущено использование технологий контроля по предупреждению терактов для противодействия пандемии, несмотря на противодействие Парламента.

В злоупотреблении цифрового контроля обвиняется и Россия. Системно этот механизм начал будто бы использоваться для наблюдения за перемещением граждан в ситуации пандемии. Но велика вероятность, что введённый как чрезвычайная мера цифровой контроль в дальнейшем не будет отменён¹. Для проживающих в России очевидно, что тотальной системы цифрового контроля в РФ не существует, и соответствующие публикации встроены в общий контекст антироссийской информационной кампании. Но стоит признать, что данная тема вошла уже в общественный дискурс и сообразно с логикой «окон Овертона» невозможное становится допустимым [5].

Система социального кредитования в КНР

Особой критике в плане угроз правам человека подверглась выстраиваемая в КНР система социального кредитования. Социальное кредитование, как это представляют западные журналисты, представляет собой механизм распределения социальных благ на основании рейтинга политической благонадёжности². Практическое внедрение системы началось в Китае с 2010 г. В 2014 г. проект был инициирован Государственным Советом к внедрению в национальном масштабе. Рейтинги составляются на основе комплексной информации о человеке, которая

может включать данные о его предпочтениях в литературе, об усердии во время обучения, о коммуникациях. «Согласно этой системе, человек получает или теряет кредитные баллы в результате различных действий. Например, люди, участвующие в добровольных проектах, которые сдают кровь, «награждаются», а те, кто курит в местах, где запрещено курение, покупают «слишком много» видеоигр, делятся необоснованными новостями и не подчиняются светофору, будут «наказаны»»³.

Появляются специальные научные исследования на Западе в отношении китайского социального кредитования как пути к новому тоталитаризму. При этом используется и матрица метафор, адресующих к классическим формам государственной тоталитарности. Среди них созданные И. Бенетом образ «Паноптикума» и Дж. Оруэллом – «Большого Брата». Отмечается смена восторга от появления новых цифровых технологий в 1990-е гг. как пути к свободе на разочарование в них как потенциальной возможности установления глобальной системы несвободы [16].

Угрозы реализации прав человека в проекции классических идеологий и концепция «Цифрового фашизма»

Исходя из различий идеологических платформ, угрозы цифровизации для прав человека видятся по-разному. Для сторонников либеральной идеологии – это нарушение свобод человека и гражданина, связываемое с распространением системы цифрового контроля. Приверженцы социалистических взглядов акцентируют внимание на связываемый с цифровизацией социальный раскол, аутсайдерство части населения, возрастание угроз безработицы. Сторонники религиозного консерватизма и традиционализма принимают сам формат цифровой коммуникации как угрозу для традиционной системы ценно-

¹ Nazeer T. Digital Surveillance and 'Technological Totalitarianism' // Byline Times: [сайт]. URL: <https://bylinetimes.com/2020/04/07/the-coronavirus-crisis-digital-surveillance-and-technological-totalitarianism> (дата обращения: 01.12.2020).

² Qiang X. The rise of China as a digital totalitarian state Opinion by // URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldpost/wp/2018/02/21/china-internet/> (дата обращения: 01.12.2020).

³ Kildis H. P. Digital Totalitarianism: China's Social Credit System // Ankasam: [сайт]. URL: <https://ankasam.org/en/digital-totalitarianism-chinas-social-credit-system/> (дата обращения: 01.12.2020).

стей и социальных связей [8]. Каждая из перечисленных идеологий предупреждает об угрозе реанимации идеологии фашизма, приходящей в настоящее время через цифровой формат.

Наряду с понятием «цифровой тотализм», хотя и несколько реже, используется понятие «цифровой фашизм». В качестве признаков цифровых фашистских государств указываются:

- массовая цифровая слежка;
- эксперименты через цифровые технологии над сознанием человека;
- цифровая социальная инженерия;
- новая цифровая пропаганда;
- цифровая цензура;
- «доброжелательная» диктатура (права на обмен на безопасность, достигаемую через контроль);
- прогнозирующая полицейская деятельность;
- использование банков персональных данных в интересах управления¹.

Обратим внимание и на феномен распространяемого цифрового фашизма снизу. Появляются исследования, показывающие тоталитарные тенденции в формировании социальных сетей. Напрашивается вывод, что социальные сети сегодня, несмотря на их внешнюю демократичность и готовность к дискуссии, оказываются гнездами неофашизма. Нарратив социальных сетей формируется через контент постправды, объединение в них осуществляется через субкультуры ненависти и катализирует различного рода страхи. Но сам принцип виртуального сообщества вместо сообщества реального исходно предполагает конфликт сетевого сообщества с сообществом большинства [15].

В России, напротив, понятие "цифровой фашизм" используется чаще, что связано с соответствующими коннотациями в российской истории. Наиболее активно

тема цифрового фашизма в России поднимается на консервативно-религиозных сайтах. Об угрозах его выступления предупреждают, в частности, мыслители, консолидирующиеся вокруг Изборского клуба. Зачастую проводятся параллели между современными проявлениями цифровизации и библейскими пророчествами, что усиливает конфликтную напряжённость восприятия темы в целом. Интересно, что наиболее активными защитниками прав человека перед угрозами цифровизации выступают круги, скептически относящиеся к самой идее прав человека, видящие в них отступление от религиозной модели построения общества². Либералы же, напротив, чаще оказываются приверженцами цифровых нововведений и рисков в их внедрении для прав человека не находят. Такого рода парадоксы современной ситуации можно охарактеризовать как инверсии систем правосознания [9].

О. Н. Четверикова, автор научных статей по особенностям политических и религиозных движений, в установках цифровизации видит латентную идеологию и даже религию. Истоки модели цифрового общества она связывает, в частности, с квазирелигиозным движением Нью-Эйдж. В её критике цифровых технологий наряду с положениями, действительно переходящими грань конспирологии, есть и вопросы, с т. зр. права заслуживающие самого серьёзного внимания. К ним, в частности, относятся вред для здоровья учащихся от перехода на цифровой формат обучения, негативные психологические последствия и интеллектуальная деградация [12].

Не исключено, что негативный эффект цифровизации для человека преувеличен или вообще не соответствует действительности. Но для такого вывода нужна соответствующая комплексная экспертиза. Пока же она не проведена, внедрение цифровых технологий в образование и в целом в систему общественных коммуникаций

¹ Helbing D. Digital Fascism Rising? Can we still stop a world of technological totalitarianism? // The Globalist: [сайт]. URL: <https://www.theglobalist.com/fascism-big-data-artificial-intelligence-surveillance-democracy/> (дата обращения: 01.12.2020).

² «В конце мая чист фигура Гитлера». Россию захватывают цифровые фашисты. В это верят защитники храмов // Lenta: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/06/20/fasch/> (дата обращения: 01.12.2020).

можно квалифицировать как эксперимент, что с позиций защиты прав человека действительно недопустимо [3; 4].

Цифровизация и Всеобщая декларация прав человека

Круг лиц, выступающих противниками неограниченного в правовом отношении цифрового развития и видящие в нём тенденцию установления нового тоталитаризма, условно можно определить в качестве анти тоталитаристов. Их претензии, как минимум, требуют диагностирования с т. зр. определения реальных угроз в отношении соблюдения прав человека. В частности, целесообразно рассмотреть через призму анти тоталитаристской критики правовой пакет, включённый во Всеобщую декларацию прав человека, как наиболее репрезентативный источник для данной задачи¹:

– Ст. 3 Всеобщей декларации прав человека наряду с правом на жизнь и на свободу называет *право на неприкосновенность*. При широкой трактовке понятия «неприкосновенность» цифровой контроль выступает нарушением соответствующего принципа.

– Ст. 7 предписывает установление *защиты от любой дискриминации*. Однако внедрение цифровых технологий создаёт ситуацию дискриминации тех, кто ими не владеет или не имеет возможности применять. Вызывает опасение и установление предпочтений / дискриминаций при осуществлении цифрового контроля.

– Ст. 9 гарантирует, что никто не *может подвергаться произвольному аресту или задержанию*. Ограничения, вводимые в качестве противодействия коронавирусной инфекции, безусловно, юридически арестом или задержанием не являлись. Но их восприятие в таком качестве получило определённое распространение. Обсуждение возможности цифрового контроля над населением в целях предотвра-

щения произвольного оставления жилища катализировало соответствующие негативные настроения.

– Ст. 12 запрещает *произвольное вмешательство в личную и семейную жизнь человека, а также посягательства на тайну корреспонденции, честь и репутацию*. Цифровой контроль рассматривается анти тоталитаристами как такого рода вмешательство. Развитие цифровых технологий, кроме того, даёт, как полагают многие, возможность лёгкого вскрытия электронной переписки. Появляются дополнительные инструменты компрометации человека, его шантажа. Анонимность публикаций в сети увеличивает также возможности для буллинга.

– Ст. 13 гарантирует *свободу передвижения, выбора местожительства*, предоставляет право выезда из любой страны, включая собственную, и возвращения в неё. Закрытие границ в 2020 г. фактически перечеркнули эти нормы. Непосредственно с цифровыми технологиями такие действия государств не связывались, но ассоциации с системой тоталитаризма были проведены многими. На уровне ведущих мыслителей говорится об обрушении модели «открытого общества».

– Ст. 18 *декларирует свободу мысли и совести, включая право исповедания любой религии и убеждений* как единолично, так и сообщая с другими. Однако религиозный терроризм и экстремизм привёл к попыткам взять под контроль определённые направления в религии, блокировать некоторые сайты. В фокусе такого контроля во время распространения идей джихадизма оказался в странах Запада ислам. Да и в отношении христианского религиозного дискурса в интернете как противоречащего принципам толерантности усматривались стремления установления цензуры с последствиями для адептов. Анти тоталитаристы заявляют о фактически осуществляемом попрании свободы совести в перспективе перехода к системе цифрового контроля.

– Ст. 19 утверждает *свободу убеждений человека и их выражения, а также полу-*

¹ Всеобщая декларация прав человека // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.12.2020).

чения и распространения информации. Казалось бы, интернет принципиально расширил в этом отношении возможности человека. Но последующее за этим расширением цензурирование интернета стало, по оценке анти-totalитаристов, нарушением заявленного права. Блокирование и закрытие сайтов вступало в противоречие с декларируемой свободой поиска информации. Возможность мониторинга воззрений пользователей интернета дала в руки властям инструмент преследования за «неправильные» взгляды.

– Ст. 20 указывает на *право человека вступления в любые ассоциации и запрет принудительного вхождения в них*. Однако не все ассоциации оказываются политически желательными, и коммуникации ряда из них оказываются в условиях цифрового контроля блокируемыми. При этом распространяется практика автоматического включения человека в различные ассоциации на онлайн-платформах без его непосредственного волеизъявления.

– Ст. 21 раскрывает положение *о выборах как нефальсифицируемой процедуре, осуществляемой путём тайного голосования, обеспечивающего свободу волеизъявления*. Вызовом в свете декларируемого положения явилось проведение электронного голосования. Его критики указывали на расширение потенциальных возможностей фальсификации результатов, а также на вероятность нарушения принципа тайности. В качестве угрозы для реализации свободы выборов называлась также манипуляция сознанием избирателей через новые предвыборные технологии. Президентские выборы в США 2016 и 2020 г. предоставили определённые эмпирические основания для такой критики¹.

– Ст. 22 наделяет человека *правом на свободное развитие личности*. В описываемой анти-totalитаристами системе цифрового контроля свободное развитие человека оказывается невозможным. В со-

ответствии с традицией антиутопий прошлого предполагается, что формирование сознания человека при появлении соответствующих технологических возможностей власти попытаются взять под свой контроль.

– Ст. 23 указывает среди прочих положений и на *право защиты трудящимися своих интересов через профессиональные союзы*. Цифровизация актуализирует вопрос о необходимости такого рода защиты. Очевидно, что внедрение новых технологий упразднит ряд прежних квалификаций и может привести к скачкообразному росту безработицы. Однако пока в повестке профсоюзов тема защиты трудящихся от рисков цифровизации не сформулирована с должной степенью резонансности.

– Ст. 24 гарантирует *право человека на отдых и досуг*. Между тем, при переходе к дистантным формам коммуникации соответствующие ограничения нарушаются. Исследования функционирования различных организаций показывают, что работодатели повсеместно в своих задачах для подчинённых выходят за рамки рабочего времени. Зачастую само рабочее время оказывается фактически отменено, и работник переводится в режим «полной занятости». Повсеместно имеют место коммуникации руководства с работником в выходные дни, во время отпуска, после окончания рабочего дня, что является сокращением интервала законного отдыха. В доцифровую эпоху возможности такого рода коммуникаций были ограничены по причине отсутствия мобильной связи, исчезновение же этого объективного препятствия порождает возможности для соответствующих нарушений.

– Ст. 26 предоставляет *право на получение образования, направленное на развитие личности*. Родители также имеют приоритетное право в выборе образования для малолетних детей. Нарушение заявленных прав было обнаружено во внедрении дистанционного формата обучения. Многие выразили скептическое отношение к данному формату в возможностях обеспечения через него именно личност-

¹ Расследование Das Magazin: как Big Data и пара ученых обеспечили победу Трампу и Brexit // The Insider: [сайт]. URL: <https://theins.ru/politika/38490> (дата обращения: 01.12.20).

ного развития человека. В частности, затруднительно развитие при отсутствии прямого социального взаимодействия учащегося со сверстниками. При том что, как показывают социологические опросы, подавляющее большинство родителей высказались против обучения онлайн, переход к нему в школах проводился без учёта их мнения.

– Ст. 27 указывает на *право человека участия в культурной и научной жизни*, а также говорит о *защите авторских прав*. О том, что авторские права в ситуации цифровизации оказываются менее защищёнными, заговорили уже относительно давно. Имеются сторонники позиции, что само авторское право в современных условиях развития является анахронизмом. Но актуализируется и другая тема: при переходе культурной и научной жизни в виртуальное пространство возникают ограничения для участия в них лиц, которых условно можно определить представителями «архаических групп» общества, круг которых, как показывают социологические опросы, по России остаётся все ещё значительным.

– Ст. 29 говорит о том, что *ограничения прав и свобод человека* должны иметь место только в тех случаях, когда речь идёт о реализации прав и свобод других, требования морали, общественном порядке и достижении общего благосостояния. Предложенная формулировка, в действительности, оставляла широкое пространство для интерпретаций о целесообразности ограничений. В понимании антиавторитаристов подлинные цели цифрового контроля связаны с попыткой укрепления и абсолютизации власти управляющих элит, что не может быть оправдано общественными интересами.

Итак, анализ показал, что в сознании определённых групп населения существу-

ет представление о вероятном нарушении прав человека по значительному перечню позиций в условиях цифровых трансформаций. Для того чтобы дать ответ, действительно ли происходит нарушение прав человека, нужны специальные исследования по каждой из позиций. Но в любом случае общественная обеспокоенность должна быть учтена, и в тех случаях, когда она исходит из заблуждений, следует дать соответствующие разъяснения. Если же окажется, что права человека реально нарушаются по какой-либо из статей Всеобщей декларации или в совокупности, то следует ставить вопрос о совершенствовании механизмов правовой защиты в условиях цифровизации.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о высокой степени обеспокоенности общества в отношении возможности системного нарушения прав человека при реализации сценариев цифровизации общественных отношений. Эти угрозы распространяются на широкий перечень положений, входящих в классический пакет прав человека. Органам государственной власти и гражданского общества целесообразно оценить реальность обозначенных в общественном дискурсе рисков и угроз. В случае подтверждения их реальности необходимо приступить к разработке дополнительных защитных правовых механизмов применительно к ситуации цифровых трансформаций. Если же реальность угроз не будет подтверждена, реакция на обозначенную обеспокоенность общества должна состоять в проведении массовой разъяснительной и просветительской работы.

Статья поступила в редакцию 03.12.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
2. Багдасарян В. Э. Когнитивные матрицы манипулятивных технологий в войнах и революциях нового типа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 8–23.

3. Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М.: Наше завтра, 2021. 416 с.
4. Багдасарян В. Э. Российское образование: выбор пути. М.: Отчий дом, 2019. 336 с.
5. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // *Обозреватель-Observer*. 2015. № 4 (303). С. 8–93.
6. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
7. Кара-Мурза С. Г., Александров А. А., Мурашкин М. А. Революции на экспорт. М.: Алгоритм-Эксмо, 2006. 298 с.
8. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А. В. Абрамов, В. Э. Багдасарян, С. О. Бышок, С. В. Володенков, Д. Г. Евстафьев, В. Г. Егоров, Н. А. Комлева, Н. С. Крамаренко, А. В. Манойло, О. М. Михайленок, А. И. Петренко, В. Ф. Прокофьев // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2020. № 2. <https://vestnik-mgou.ru> (дата обращения: 01.12.2020).
9. Цифровая цивилизация. Россия и «электронный» мир XXI века / А. А. Проханов, С. Ю. Глазьев, В. С. Овчинский, Е. С. Ларина, М. Калашников, А. А. Нагорный. М., 2018. 288 с. (Коллекция Изборского клуба).
10. Федорченко С. Н., Тедиков Д. О., Теслюк К. В., Маркарян Р. А. Международные отношения в сетевых компьютерных играх: риски и возможности реализации политики памяти // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2019. № 4. С. 269–273.
11. Фукуяма Ф. Конец истории? // *Вопросы философии*. 1990. № 3. С. 84–118.
12. Четверикова О. Н. Цифровой тоталитаризм. Как это делается в России. М.: Книжный мир, 2020. 300 с.
13. Яблоков И. А. Теория заговора и современное историческое сознание (на примере американской исторической мысли): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Томск, 2010. 24 с.
14. Dreher R. *Live Not by Lies: A Manual for Christian Dissidents*. New York: Sentinel, 2020. 256 p.
15. Fielitz M., Marcks H. Digital Fascism: Challenges for the Open Society in Times of Social Mediaby // *Escholarship*: [сайт]. URL: <https://escholarship.org/uc/item/87w5c5gp> (дата обращения: 01.12.2020).
16. Hendricks V. F., Vestergaard M. Epilogue: Digital Roads to Totalitarianism // *Reality Lost: Markets of Attention, Misinformation and Manipulation* / Hendricks V. F., Vestergaard M., ed. Cham: Springer, 2019. P. 119–137.
17. Huizinga T. *The New Totalitarian Temptation: Global Governance and the Crisis of Democracy in Europe*. New York: Encounter Books, 2016. 272 p.

REFERENCES

1. Aron R. *Demokratiya i totalitarizm* [Democracy and totalitarianism]. Moscow, Tekst Publ., 1993. 303 p.
2. Bagdasaryan V. E. [Cognitive matrices of manipulative technologies in wars and revolutions of a new type]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political sciences], 2020, no. 1, pp. 8–23.
3. Bagdasaryan V. E. *Matritsy obshchestvennogo soznaniya* [Public Consciousness Matrices]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2021. 416 p.
4. Bagdasaryan V. E. *Rossiiskoe obrazovanie: vybor puti* [Russian education: choosing the path]. Moscow, Otchy dom Publ., 2019. 336 p.
5. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. [Overton window – manipulative matrix of political management]. In: *Obozrevatel-Observer* [The Observer], 2015, no. 4 (303), pp. 8–93.
6. Iorgensen M. V., Fillips L. Dzh. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and method]. Kharkov, Gumanitarnyi tsentr Publ., 2008. 352 p.
7. Kara-Murza S. G., Aleksandrov A. A., Murashkin M. A. *Revolutsii na eksport* [Revolutions for export]. Moscow, Algoritm-Eksmo Publ., 2006. 298 p.
8. Abramov A. V., Bagdasaryan V. E., Byshok S. O., Volodenkov S. V., Evstafev D. G., Egorov V. G., Komleva N. A. et al. [Covid 19 pandemic: the end of the familiar world?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (Elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 2. Available at: <https://vestnik-mgou.ru> (accessed: 01.12.2020).
9. Prokhanov A. A., Glazyev S. Yu., Ovchinsky V. S., Larina E. S., Kalashnikov M., Nagorny A. A. *Tsifrovaya*

- tsivilizatsiya. Rossiya i «elektronnyi» mir XXI veka [Digital civilization. Russia and the «electronic» world of the XXI century]. Moscow, 2018. 288 p.
10. Fedorchenko S. N., Tedikov D. O., Teslyuk K. V., Markaryan R. A. [International Relations in Networked Computer Games: Risks and Opportunities for Implementing a Memory Policy]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 4, pp. 269–273.
 11. Fukuyama F. [The end of history?]. In: *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 1990, no. 3, pp. 84–118.
 12. Chetverikova O. N. *Tsifrovoy totalitarizm. Kak eto delaetsya v Rossii* [Digital totalitarianism. The way it is done in Russia]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2020. 300 p.
 13. Yablokov I. A. *Teoriya zagovora i sovremennoi istoricheskoe soznanie (na primere amerikanskoi istoricheskoi mysli): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Conspiracy theory and modern historical consciousness (on the example of American historical thought): abstract of PhD thesis in History sciences]. Tomsk, 2010. 24 p.
 14. Dreher R. *Live Not by Lies: A Manual for Christian Dissidents*. New York, Sentinel, 2020. 256 p.
 15. Fielitz M., Marcks H. Digital Fascism: Challenges for the Open Society in Times of Social Mediaby. In: *Escholarship*. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/87w5c5gp> (accessed: 01.12.2020).
 16. Hendricks V. F., Vestergaard M. Epilogue: Digital Roads to Totalitarianism. In: Hendricks V. F., Vestergaard M., ed. *Reality Lost: Markets of Attention, Misinformation and Manipulation*. Cham, Springer, 2019, pp. 119–137.
 17. Huizinga T. *The New Totalitarian Temptation: Global Governance and the Crisis of Democracy in Europe*. New York: Encounter Books, 2016. 272 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Наталья Николаевна – аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, начальник управления по развитию инновационных молодежных программ и профориентации Дипломатической академии МИД России;
e-mail: nnpopovoi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya N. Popova – Post-graduate student, Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Head of Department for Youth Innovative Programs Development and Career Guidance, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry;
e-mail: nnpopovoi@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попова Н. Н. Реализация прав человека в фокусе угроз представлений о «цифровом тоталитаризме»: дискурс-анализ в контексте трансформации правосознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 25–37.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-25-37

FOR CITATION

Popova N. N. Realization of Human Rights in the Focus of Threats of Perceptions of "Digital Totalitarianism": Discourse Analysis in the Context of Legal Consciousness Transformation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2021, no. 1, pp. 25–37.
DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-25-37